

Снег сыпался с неба мелкой крупой, ложась белым кружевом на разные части города. В резиденциях великих семей и Императорском дворце каждый был занят собственными чаяниями, а темные воды поместья Фэн вдруг всколыхнула ранним утром неожиданная новость: их молодая госпожа, ее муж и малолетняя дочь придут на следующей неделе, чтобы выразить почтение старшим родственникам. На официальное письмо, заверенное тигровой печатью поместья Великого хоу, Фэн Жун смотрел некоторое время невидящим взглядом, а после отложил.

— Молодой господин, — тихо позвала Мэйхуа, замершая сзади с гребнем. Мэйцзи, выбиравшая одежду для Фэн Жуна, тоже прислушалась.

— Предупредите бабушку, — сказал Фэн Жун и тут же втянул носом подслащенный благовониями воздух, словно стараясь набраться сил. Следующая его фраза прозвучала уже бодрее. — Прием проведем в Бамбуковом саду, в летней беседке: ее следует убрать и закрыть от ветра, а также заранее хорошо протопить. Хоу с сестрой наверняка останутся у нас и на ночь, потому для Сяолин приготовим покои, в которых она жила раньше, а для Пань Таня павильон рядом. Кроме того, следует закупить свежих продуктов и приготовить меню: пусть кормилицы и служанки, что прислуживали сестре, вспомнят, что ей нравится больше всего и расскажут поварам. Чтобы к вечеру приготовили блюда мне на пробу. Многого предстоит сделать!

Мэйхуа неловко заметила:

— Но господин, как же на это у вас хватит времени? Сегодня вы из министерства сможете вернуться только к вечеру...

— Хватит, — отмахнулся Фэн Жун. — Передайте мои распоряжения и в течение дня следите за их выполнением, а когда я вернусь — займемся остальным, — девушки переглянулись, соглашаясь друг с другом в том, что Фэн Жуну, чтобы со всем управиться, придется не есть и не спать. Он между тем игриво прикрикнул: — Чего ты замерла? Убери мне волосы поскорее: до начала заседания у Императора я успею еще посмотреть, в каком состоянии сад!

Девушки тут же взялись за работу, больше ни на что не отвлекаясь. Однако, как бы Фэн Жун не хвалился, у него не было шести рук и двух голов, чтобы везде успеть, а своими обязанностями перед императором он не смел пренебречь. Прошло всего несколько дней, а слуги без чуткого руководства больше путались в заданиях, чем выполняли их, и многое было еще не готово. Всю работу отдать Мэйцзи и Мэйхуа Фэн Жун не мог, потому как опасался, что они сделают что-то не так, да и в управлении девушки были слабы; бабушка слишком стара; а дядя мирскими делами не интересовался. Видя, что подготовка идет не лучшим образом, в один из вечеров матушка Сяоху вызвала Фэн Жуна к себе и, тяжело вздохнув, сказала:

— Не убивайся, Жун-эр, не стоит тебе вваливать все на себя. Отдай подготовку приема наложнице Чжоу — пусть она всем управляет.

Фэн Жун, однако, нахмурился: он готов был признать, что не справляется, но отдать пусть и на время власть в доме этой вздорной женщине, которая к тому же уже пыталась разведать его тайны — этого он допустить не мог. Матушке Сяоху о ситуации в поместье рассказывали слуги, что слушались во всем управляющего и наложницу Чжоу, потому женщина была обеспокоена.

— Это первый визит Чэнхуа в дом родственников, к тому же муж нашей Сяолин не кто-то — а сам Великий хоу. Бабушка знает, что ты гордец, но обидеть его плохим приемом мы позволить себе не можем. Пусть мне тоже не нравится наложница Чжоу, ничего плохого не случится,

если позволить ей поруководить один раз...

Выслушав взволнованные речи бабушки, Фэн Жун поклонился ей и ответил:

— Не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю.

Матушка Сяоху решила, что юноша с ней согласен и успокоилась. За дверями ее покоев управляющий, который слышал весь разговор, едва показался Фэн Жун уточнил:

— Отнести приходные книги наложнице Чжоу?..

— Вперед меня принял решение? — мрачно спросил Фэн Жун и управляющий тут же покорно опустил голову. Через время Фэн Жун сказал: — С завтрашнего дня пусть наложница Чжоу следит, как украшают павильон и готовят поместье, но обо всем докладывает в мой сад: книги будут там.

Управляющий пораженно спросил:

— Но кто же будет следить за ними?..

— Думаешь, у меня своих людей нет? — напустился на него Фэн Жун. — Пожаловались бабушке, так я тут же от своих слов отступлюсь? Думаешь, не знаю, о чем вы с наложницей Чжоу думаете? Не видать ей ни книг, ни власти в поместье Фэн пока я жив — так ей и передай!

Сказав так, Фэн Жун развернулся и раздраженно направился в сторону своего двора. Кричать он обычно не любил, но напряжение последних дней сказалось на характере юноши и только теперь, поругавшись, он чувствовал, как вышла дурная кровь. Пусть все еще вокруг ранними снежинками кружили проблемы, которые в скором времени требовалось решить, Фэн Жун вдруг преисполнился уверенности.

Не доходя до ворот своего двора, юноша остановился и, оглядевшись, нырнул в двери сада Камелии. У отведенного ему флигеля варил что-то в пузатом котелке лекарь Линь: Фэн Жун поздоровался с ним и отправился во внутренние покои. Как и обычно, они были пусты, а с веранды слышались голоса. Фэн Жун почувствовал укол зависти: пока в последние дни у него руки были заняты и ноги в беспорядке, кто-то наслаждался неспешным течением времени. Тут же, впрочем, юноша подобные мысли отбросил: в его душе после близкого знакомства с Ли Инчунем жило сочувствие ему, и многое он своему случайному гостю спускал.

На веранде сидели четверо: Фэнцзи в стороне тихо вышивала, даос Ян небрежно, словно от скуки, прибирался в небольшом саду заднего дворика, а Ли Инчунь и Фу Ичжэнь, расположившись по разные стороны небольшого резного столика, играли в карты. Увидев Пятого принца, Фэн Жун не мог не вздохнуть:

— А ты откуда тут взялся?

— А что мне, нельзя? — не отрывая взгляда от карт, спросил Фу Ичжэнь.

— Мог бы и предупредить, что зайдешь, — возмутился Фэн Жун. Обернувшись к следовавшей за ним Мэйхуа, он спросил: — Почему мне не доложили?

— Я и сама не знала, — ответила девушка. Ли Инчунь тихо хмыкнул:

— Его Высочество, словно цветочный вор, перелез через стену вашего поместья, — рассказал

он и тут же вскинул на Фэн Жуна лукавый взгляд: — Вам, господин Фэн, теперь следует быть аккуратнее.

— Ему ли? — с улыбкой ответил Фу Ичжэнь и выложил на стол карту. — Кажется, господин Ли проигрывает.

— В самом деле? — отозвался Ли Инчунь и легко ответил другой картой. Пятый принц возмущенно воскликнул:

— Эта карта уже была бита! Опять ты жульничаешь?!

— Ваше Высочество что-то путает, — спокойно отозвался Ли Инчунь. — Мы не первую партию играем: может, вы уже подзабыли?

— Не паясничай, — нахмурился Фу Ичжэнь. — Когда ты ее поднял? Я на мгновение отвел взгляд!

— Ваше Высочество, если проигрываете — так ведите себя достойно, — с хитрой улыбкой, в которой даже слепой не заподозрил бы искренности, ответил Ли Инчунь. — Не нужно пытаться меня оболгать.

— Благородные люди так не поступают, — прищурившись, ответил Фу Ичжэнь, но небольшую горсть серебра, что служило ставкой, сурово сдвинул в сторону Ли Инчуна. Тот быстро спрятал его в рукав:

— А вам откуда знать? — тут же, не дав Пятому принцу ответить, Ли Инчунь посмотрел на Фэн Жуна. — Господин Фэн выглядит встревоженным. Что-то случилось?

Фэн Жун опустился рядом с Пятым принцем и тяжело вздохнул. Его лицо, от рождения бывшее бледным, теперь от усталости приобрело серый оттенок, а большие глаза словно запали в череп. Даже если бы юноша продолжил молчать, было бы ясно, что ему требуется помощь. Чувствуя неловкость, Фэн Жун нерешительно начал:

— Я в самом деле хочу попросить господина Ли о небольшой услуге... — юноша вскинул взгляд на Ли Инчуна, но тот молчал, глядя на молодого господина в ответ. Из ворота его одежд высунулся сонный и взлохмаченный Дами, широко зевнул и внимательными желтыми глазами взглянул на Фэн Жуна, словно ожидая продолжения его речи. Юноша вздохнул: — Господину Ли наверняка уже известно, что на следующей неделе сестра с дочерью и мужем посетят поместье...

Ли Инчунь протянул холодным голосом:

— Жду с нетерпением.

— ...и многое нужно приготовить к их приезду. Убрать сад, приготовить покои, украсить поместье и разобраться в прочих мелких делах. Последние дни я стараюсь успеть это после приемов у Императора и работы в министерстве — но времени мне не хватает.

— Разве у вашего отца не осталось наложниц? — спросил Ли Инчунь, лениво тасуя в руке стопку карт. — Госпожа Фэн вышла замуж, у вас еще нет жены, потому наложница Чжоу в поместье Фэн должна считаться хозяйкой.

— Эту женщину ко власти подпускать нельзя, — нахмурившись, ответил Фэн Жун. — С самого

прихода в дом она хотела изжить мою мать и самой стать главной женой — но отец умер раньше, чем она смогла его уболтать. Теперь же она настраивает слуг против меня и не упустит шанса польстить и Великому хоу.

— Не понимаю, отчего ты это терпишь, — откинувшись в кресле, сказал Фу Ичжэнь. Тон его был ленив, но слова, вылетающие изо рта, невольно заставляли боязно напрячься. — Ты хозяин поместья, потому если она и ее дети вдруг пропадут — никто тебя разоблачить не сможет.

— О чем ты говоришь? — вздрогнув, ответил Фэн Жун. — Пусть она мне и не нравится, не убивать же ее теперь? К тому же ее дети — мои родные брат и сестра, нельзя так...

Пятый принц фыркнул и отвернулся. Прислушиваясь к разговору, к веранде приблизился даос Ян, испачкавший подол своей белой мантии грязью и палыми листьями. Словами Фу Ичжэня он не выглядел удивленным, но во взгляде его на принца отражалась тоска.

— Ваше Высочество такой жестокий, — не преминул вставить Ли Инчунь. — Надо мной же вы не задумаете расправу из-за проигрыша?

Фу Ичжэнь притворно улыбнулся:

— Из-за проигрыша — нет.

— Возвращаясь к насущным проблемам, — прервал нарастающую схватку острот Фэн Жун. — Наложнице Чжоу я приказал пока только следить за слугами, но к приходным книгам и управлению поместьем я ее не допущу. Однако кто-то должен этим заняться.

— Господину Фэну непросто, — сказал Ли Инчунь и Фэн Жун вдруг подумал, что юноша обо всем уже догадался, но лишь дразнится, чтобы услышать нескромную просьбу хозяина. В иные моменты Фэн Жун был упрям и принципиален, но со своим случайным гостем он не чувствовал соперничества и полагал, что тому нет резона вредить поместью, потому быстро смирился с его высокомерием.

— Господин Ли, — сказал Фэн Жун. — Я прошу вас помочь мне в устройстве и взять на себе на несколько дней обязанности хозяина.

— Господин Фэн, — с вежливой улыбкой ответил Ли Инчунь. — Этот недостойный не посмеет.

— Почему? — спросил даос Ян. Пятый принц бросил на него строгий взгляд, чтобы не вмешивался в чужой разговор и даос тут же закрыл рот.

— Конечно потому, что я в поместье лишь гость, — ответил Ли Инчунь. — Я благодарен за ваше гостеприимство, но просить меня заниматься домашними делами... Вы, верно, забыли, но я не ваша наложница.

— Простите, если это прозвучало оскорбительно, — тут же исправился Фэн Жун. — Я никем таким вас, конечно, не почитаю, но лишь вашей помощи могу просить.

— Кроме того, ты живешь здесь за счет молодого господина — разве не славно было бы отплатить ему за доброту? — добавил Фу Ичжэнь. Ли Инчунь бросил на него быстрый взгляд:

— Я не напрашивался в гости, потому не чувствую себя обязанным.

Несколько мгновений подумав, Фэн Жун заметил на столике рядом с кушеткой Ли Инчуня

книги: несколько разнообразных томов, что сам разрешил ему брать из своей библиотеки. Работа при императорском дворце научила юношу быстро сопоставлять факты и складно говорить, потому он тут же вскинулся:

— Господин Ли, вам ведь скучно сидеть здесь без дела день за днем? — спросил он. Ли Инчунь тут же ответил:

— Ничуть.

Но Фэн Жун словно не слышал его, вдохновенно продолжая:

— Пусть эта работа — сущий пустяк, она требует внимательности к деталям и знаний разных дел, которых у господина Ли в избытке. Заниматься приходными книгами несколько часов в день не сложно, но лишь способности господина Ли могут помочь моему ничтожному поместью не прослыть посмешищем.

— Господин Фэн говорит так сладко, что даже персиковым цветам в пору расцвести, — с улыбкой ответил Ли Инчунь. — Однако, чтобы хорошо все подготовить, мне, человеку не знакомому с делами вашего поместья, придется посмотреть все приходные книги за последние годы, списки слуг и утвари. Эта работа кажется ничтожной, но за последние дни господин Фэн и сам понял, насколько она выматывающая. И предлагаете ее мне, больному человеку?

Несколько мгновений помолчав, Фэн Жун уточнил:

— Так вы беретесь?

Ли Инчунь тяжело вздохнул и, отложив карты, кончиками пальцев легко погладил голову жмущегося к нему Дами. Яшмовые глаза юноша на миг заволокла пелена задумчивости, а после он вздохнул:

— Хорошо: но лишь потому, что вы, господин Фэн, в своей наивности мне приятны.

— Так вы людей делите на приятных и неприятных? — ухмыльнулся Фу Ичжэнь. — И что же грозит последним?

— Ну, с ними я могу, к примеру, сжульничать в картах.

Фэн Жун тут же приказал Мэйхуа принести приходные книги и все, что Ли Инчунь попросит: с помощью Фэнцзи он удалился в кабинет, чтобы в стороне от холодного осеннего ветра заняться бумагами. Снявший тяжелую накидку, в которой обычно он сидел на улице, Ли Инчунь теперь казался невероятно стройным и хрупким, а его тонкие запястья, обнажающиеся во время письма, предназначены, казалось, были лишь для каллиграфической кисти и книг. Обычно лицо юноши выражало лукавство вкупе с высокомерием, но когда он занимался работой, из прямых черт пропадало всякое выражение и Ли Инчунь превращался словно в написанную бледной тушью картину.

К следующему утру первые распоряжения уже были готовы и переданы служанке, пришедшей от наложницы Чжоу. Девушка попыталась вывести у открывшего ей двери покоев Фэн Жуна даоса Чжунчу, кто же скрывается внутри, но старик был слишком прямолинеен для ее игривых намеков: решив, что девушка попросту слишком дочерняя, он искренне ее похвалил и наказал оставаться такой же приветливой, отпустив.

В павильон Грушевого аромата служанка вернулась в смешанных чувствах. Получив от нее

бумагу с указаниями, наложница Чжоу быстро ее развернула и прочла иероглифы, написанные чуть неряшливым, скорым почерком. Казалось, словно ветка сливы, опущенная в тушь, мимолетным касанием оставила узоры на листе бумаги — этот почерк никому тут не был знаком.

— Кто открыл тебе двери? — спросила наложница Чжоу у своей служанки. Та потупилась:

— Я, право, и не знаю, — ответила девушка. — Старик в даосских одеждах: странный до ужаса. Говорил со мной так, будто я совсем ребенок и указания повторил несколько раз, словно я не могу запомнить. Однако смотреть на него отчего-то было страшно...

— Что нам до твоих придумок? — одернул девушку управляющий Чжэн. — Кто отдал распоряжения?

— Этого я не знаю, — ответила служанка. — Даос отдал мне лист и тут же выставил, а кто внутри покоев — я увидеть не смогла.

— Даос... — между тем протянула наложница Чжоу. — А не один ли из тех, что часто приходят с Пятым принцем?

Служанка немного подумала и закивала:

— Точно, госпожа, он!

— Что же, выходит, помещьем молодой господин оставил управлять Пятого принца? — удивленно спросил управляющий, но наложница Чжоу одернула его:

— Дядюшка Чжэн, что вы такое говорите? Услышит кто с дурными намерениями — и не сносить нам головы! Чтобы сын Императора — и занимался женской работой?

— Госпожа может не знать, но Его Высочество часто сюда ходит, — ответил управляющий и, склонившись к женщине, зашептал: — Всем приказано говорить, что общается он со старшим господином, потому как вместе заинтересованы поисками дао, однако говорили они всего пару раз. Большую же часть времени Его Высочество проводит в покоях молодого господина: кто знает, чем они занимаются там...

Наложница Чжоу прикрыла рот расшитым рукавом и покачала головой:

— Какой стыд. Однако, сын Императора им и остается, какими бы непотребствами не занимался — так что много об этом не болтайте. Что же до распоряжений... — женщина взглянула на лист. — Выполним их, а там посмотрим. Шанс оказаться в Саду орхидей нам еще выпадет.

Сказав так, наложница Чжоу облачилась в соболиную шапочку-чжаоцзюнь, куртку из темно-зеленого шелка, подбитую беличьим мехом и перехваченную жемчужным поясом с символами поместья, и отороченную горностаем креповую юбку. Нарумяненная и напудренная, она совсем не походила на свой возраст и будто сейчас могла пойти на смотрины к лучшим свахам столицы, что признали бы ее в один голос воплощением цветущей юности. Лишь приблизившись к наложнице Чжоу на недозволенное расстояние, можно было рассмотреть сеть морщинок под ее темными глазами, словно вязкое болото таящими дурные помыслы.

Однако прежде, чем отправиться по делам, женщина от восточного крыла свернула к югу и, пройдя мимо ворот в Сады орхидей и камелий, вскоре оказалась в небольшом дворе,

окруженном высокой стеной. Тут высажена была молодая бамбуковая роща, а меж тонких стволов, огороженный гладкими камнями, тек холодный ручей. За деревьями можно было рассмотреть широкий дом, занимающий большую часть двора. На открытой веранде, сидя на коленях, занимались рукоделием молодые служанки, что при виде наложницы Чжоу почтительно отложили изделия и склонились в поклонах. Внутренние комнаты от холода осеннего дня отделяли вышитые шелком и золотой нитью кэсы с журавлями и фениксами, а за ними виднелись в свете теплых жаровен две фигуры. Наложница Чжоу в сопровождении слуг вошла в комнату и тут же оба молодых человека поднялись.

Это были юноша лет шестнадцати и совсем молодая девушка, лицо которой еще только готовилось расцвести женской красотой. Оба они облачены были в серые шелковые одежды, только на плечах Фэн Диши был плотный плащ, какие носили военные, а его младшая сестра, Фэн Баочжай, куталась в светлую накидку с белоснежным соболиным мехом. От матери Баочжай достались тонкие губы и надменный, суровый взгляд, а Фэн Диши лишь изгибом бровей и линией челюсти ее напоминал — зато сходство между ним и Фэн Жуном нашел бы сразу даже несведущий человек.

Приняв приветствия детей, наложница Чжоу спросила:

— Чем вы тут заняты?

— Гэгэ пишет задание своего учителя, а ему помогаю, — понутив голову, ответила Фэн Баочжай. Несмотря на высокомерное выражение лица, говорила девушка тихо и в голосе ее слышались почтение и покорность. Фэн Диши дополнил слова сестры:

— Мэй-мэй хорошо запоминает стихи, потому я иногда читаю ей вслух и прошу пересказать — так мы оба учимся.

— Хорошо, — кивнула наложница Чжоу. — Тогда вечером, Баочжай, зайди ко мне: расскажешь, чему брат тебя научил.

Девушка в ответ покорно склонила голову:

— Конечно, матушка.

— А пока идемте за мной, — продолжала наложница Чжоу. — На следующей неделе с визитом прибудет Великий хоу и поместье следует подготовить.

Фэн Диши и Баочжай удивленно переглянулись. Юноша нерешительно уточнил:

— Неужели старший брат позволил вам этим заняться, матушка?

— У него дел много, так отчего ж нет?

— Тогда я закончу уроки и к вам присоединюсь, — кивнув, сказал Фэн Диши. Баочдай же, поднявшись, попрощалась с братом и ушла за матушкой.

Весь день женщины работали в поместье, тщательно подготавливая его к важному гостю. Распоряжения, полученные из Сада орхидей, выполнялись в точности, а когда возникал другой вопрос — туда посылались служанки. Пусть шла работа медленнее, чем могла бы, если бы все решения принимала наложница Чжоу, однако все одно уже к вечеру сад стал приобретать вид изящный и благостный.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1703436>